

Административное и муниципальное право

Правильная ссылка на статью:

Курындин П.А. Цифровизация контрольно-надзорной деятельности как инструмент противодействия коррупции // Административное и муниципальное право. 2024. № 3. DOI: 10.7256/2454-0595.2024.3.43974 EDN: HVZPCE URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=43974

Цифровизация контрольно-надзорной деятельности как инструмент противодействия коррупции

Курындин Павел Александрович

ORCID: 0000-0002-0133-3953

кандидат юридических наук

ассистент кафедры административного и финансового права, Санкт-Петербургский государственный университет

199034, Россия, Санкт-Петербург, г. Санкт-Петербург, линия 22 В.о., 7

p.kuryndin@spbu.ru

[Статья из рубрики "Государственная и муниципальная служба и проблемы противодействия коррупции"](#)

DOI:

10.7256/2454-0595.2024.3.43974

EDN:

HVZPCE

Дата направления статьи в редакцию:

06-09-2023

Аннотация: Предметом исследования выступает процесс противодействия коррупции, который из-за ее изменяющихся форм и способов должен иметь постоянный и всесторонний характер. Тем более коррупцией поражены все уровни общества. Цифровизация административных процедур позволяет повышать эффективность публичного управления и обеспечивать прозрачность принимаемых решений. При этом необходимо оценить, насколько совпадают цели и реальность их воплощения. В России принят очередной план борьбы с коррупцией, который «подкреплен» введением новой системы «Посейдон», обеспечивающей соблюдение антикоррупционных требований различными должностными лицами. Однако постоянный уклон на цифровизацию административных процедур и контрольно-надзорной деятельности не может автоматически привести к искоренению коррупции. Она лишь создает предпосылки. Кроме того, программные документы в России не ставят такие цели, включая даже действующие международно-правовые акты. Для раскрытия предмета исследования

были использованы следующие методы: формально-догматический, сравнительно-правовой, исторический, а также количественный метод. Цифровизация имеет множество преимуществ – это легкость, простота и быстрота принимаемых решений. В самом деле, электронная форма контрольных мероприятий удобна: не нужно долго ждать, готовить документы, контрольный орган может всё проверить одномоментно. Также цифровизация уже показала эффективность в снижении «бытовой» коррупции. Однако, например, в открытых данных отсутствует развернутая статистика результатов обжалования контрольных мероприятий. Невозможно оценить, какие решения выносились и какие проблемы возникали. Вместе с тем повсеместная электронная форма не избавит от негативных явлений – нет единого стандарта взаимодействия административного органа и невластного субъекта. Последний не всегда будет выслушан. Кроме того, нормативные правовые акты не учитывают один важный аспект: не все частные лица имеют доступ в сеть «Интернет».

Ключевые слова:

противодействие коррупции, очаги коррупции, цифровизация, административные процедуры, контроль и надзор, административная реформа, бытовая коррупция, надлежащее управление, право быть выслушанным, ЕАЭС

Введение

В конце января 2023 года МВД России отчиталось о своей деятельности по раскрытию преступлений за прошедшие 12 месяцев, причем дел коррупционной направленности всего 1,8 % из почти 2 млн зарегистрированных преступлений^[1]. При этом граждане России относятся негативно к коррупции наравне с наркоманией, алкоголизмом и расизмом^[2]. Кроме того, они «объясняют» коррупцию тем, что она «поощряется государством», «нет наказания и контроля», «власти сами коррумпированные», «русский не может не брать – люди такие»^[3]. Поэтому государство не может не отвечать на такой общественный запрос и постоянно ищет правовые инструменты, чтобы с помощью того или иного набора средств, соответствующему текущим вызовам, противостоять коррупции.

Одним из них может выступить цифровизация контрольно-надзорной деятельности, которая играет существенную роль в экономической жизни и в административной сфере.

Российское административное право прошло, как известно, несколько этапов реформирования за последние почти 30 лет. Те преобразования, которые были сделаны в середине нулевых годов, безусловно, сыграли положительную роль в пересмотре модели взаимодействия административных органов и частных лиц. Они заложили административные процедуры в части юридической и фактической возможности реализации и защиты публичных прав граждан и организаций^[1]. Однако до сих пор в России не принят закон об административных процедурах, хотя необходимость данного акта обосновывается в науке и даже готовился проект такого закона^[2; 3]. Другими словами, законодательное регулирование позволило бы создать единый стандарт взаимодействия административных органов и невластных субъектов. В самом деле, даже законодательство о контроле и надзоре или его отдельных видах может отличаться. Например, в части 1 статьи 43 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»^[4] в рамках разбирательства по делам о нарушении

антимонопольного законодательства гарантировано право на ознакомление с материалами дела, делать выписки из них, представлять доказательства и знакомиться с доказательствами и т.п. В Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – Закон о КНД) содержится больше гарантий: возложение бремени доказывания обоснованности своих действий при их обжаловании в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, на инспектора (пункт 10 части 1 статьи 29), право на представление дополнительных доказательств на момент разбирательства по существу по запросу контрольного органа (часть 3 статьи 43), право на представление объяснений (статья 79), право на ознакомление с результатами контрольного (надзорного) мероприятия (статья 88).

Кроме того, в России защищены диссертации, посвященные непосредственно вопросам административных процедур как инструменту противодействия коррупции [\[1; 4\]](#). Однако последние защиты [\[5\]](#) только отчасти затрагивают данный вопрос, указывая, что надлежащее регулирование административных процедур может способствовать противодействию коррупции [\[5\]](#). И самое главное, что законодатель пока не следует советам, выдвигаемым научным сообществом. Хотя административная процедура, сформированная на основе четких и единообразных правил деятельности органов публичной администрации (правовой образец деятельности), обеспечивает определенность, а это, в свою очередь, предвосхищает коррупцию [\[6\]](#). Действительно, ясный и понятный алгоритм действий должен позволять достигать поставленные цели. Иначе в правоприменительной практике проявляется отсутствие системности. Например, если административный акт, изданный после контрольного мероприятия, будет признан незаконным, но это обстоятельство не может быть положено в основание пересмотра решения о привлечении к административной ответственности. Арбитражные суды по этому поводу, в частности, отмечают: «Как правильно указал суд в своем определении, оспариваемое предписание и отмененное судом общей юрисдикции постановление о привлечении к административной ответственности приняты в рамках одной проверки. Однако процедура их принятия разная. Зависимость принятия предписания от постановления отсутствует, акты носят самостоятельный характер, предусмотрен разный порядок их обжалования. К тому же, в рамках разных судебных процессов сторонами могли представляться разные доказательства»[\[6\]](#).

Возвращаясь к предмету исследования отметим, что в начале лета 2021 года был принят очередной Национальный план противодействия коррупции на 2021 – 2024 годы [\[7\]](#), а в сфере противодействия коррупции появится специальная система «Посейдон». По замыслу разработчиков она позволит следить за лицами, на которых распространены ограничения, запреты и требования, установленных в целях противодействия коррупции, в режиме реального времени [\[8\]](#). В открытом доступе можно найти лишь отдельные материалы по итогам работы данной системы: Минтруд России выпустил Методические рекомендации по вопросам использования государственной информационной системы в области противодействия коррупции «Посейдон»[\[9\]](#), которые связаны в большей степени с порядком подключения; на сайте Совета Федерации ФС РФ дан только общий обзор, что система работает, а также, что были сформулированы предложения по совершенствованию [\[10\]](#). Более детальные итоги работы данной системы не найдены.

Кроме того, не может помочь в борьбе с коррупцией международное право. В рамках Евразийского экономического союза (далее – ЕАЭС) отсутствуют специальные положения, предметом которых является непосредственно противодействие коррупции

[\[7, с. 170\]](#). Если бы учредительные документы ЕАЭС содержали бы такие положения, то это могло бы эффективным средством противодействия коррупции. Международные обязательства государств, вытекающие из интеграционных международных договоров антикоррупционной направленности, будут как минимум стандартизированы.

Нельзя не заметить, что Россия неохотно использует и иные международные инструменты. Например, особый интерес представляет определение «коррупционного правонарушений», данное в модельном законе «О противодействии коррупции»[\[11\]](#). В этом акте оно носит межотраслевой характер, не ограничиваясь только уголовной и административной сферой. Кроме того, Россия до сих пор не ратифицировала статью 20 Конвенции Организации Объединенных Наций против коррупции в части уголовных мер за незаконное обогащение[\[12\]](#).

Получается, что вопросы поиска правового инструментария противодействия коррупции остается задачей самого государства. При этом нормативно-правовое регулирование цифровизации публичного управления в целом и контрольно-надзорной деятельности явно отстает от стремительного развития цифровых технологий, где почти каждый день появляется какой-то новый цифровой сервис или услуга[\[13\]](#).

Таким образом, настоящее исследование посвящено анализу действующего нормативного правового регулирования в целях оценки его эффективности, поиску потенциальных проблем и путей их решения.

Материалы и методы

В работе нашли применение общенациональные и специальные методы познания. Применение в данном исследовании формально-догматического метода в комплексе со сравнительно-правовым методом позволило получить новые знания о предмете работы путем сопоставления и анализа нормативной базы и практики ее применения. Исторический метод, связанный с изучением процесса формирования и развития отдельных аспектов объекта исследования.

С помощью на основании данных статистики и функционального метода были проанализированы результаты эффективности работы цифровизации и выявлены потенциальные проблемные точки в существующей модели правового регулирования.

Результаты

Коррупция, к сожалению, стала повседневным спутником общественной жизни. Она имеет свои проявления как в бытовом плане, так и на различных уровнях власти. При этом нормативные и программные документы не всегда учитывают все аспекты деятельности. Другими словами, они даже не ставят своей целью использовать цифровизацию как средство снижения или противодействия коррупции. В решении этой задачи не могут помочь и международные договоры, включая уровень ЕАЭС, поскольку они либо сформулированы в общем виде, либо в них также отсутствует такая цель.

Кроме того, цифровизация, как представляется, становится самоцелью в сфере публичного управления и контрольно-надзорной деятельности, в частности. Однако отсутствие возможности частного лица каким-либо образом воздействовать на итоговое решение в рамках административной процедуры может привести к различным негативным последствиям: нарушение прав частных лиц на получение того или иного блага, возврат документов, пропуски сроков на обжалование и т.п. – словом, отсутствует

определенность в реализации прав частных лиц.

Обсуждения

В научной литературе давно можно найти достаточно много трудов, посвященных цифровой трансформации публичного управления или отдельных отраслей экономики и сфер общественной жизни. В частности приводятся обоснования, например, по «созданию алгоритмов обработки больших данных и разработке комплексной системы искусственного интеллекта, способных значительно повысить эффективность методов противодействия коррупции» [\[8, с. 1686\]](#), поскольку правонарушители находят способы обхода действующих антикоррупционных информационных технологий, а нормативные правовые акты не всегда учитывают или отстают от возможностей цифровизации. В самом деле, отметим, что торги в рамках размещения заказов для публичных нужд проводятся уже достаточно давно в электронной форме. Однако можно легко наткнуться на подобные новости: начальная (максимальная) цена контракта была снижена на 1 % и «поставка тестов для выявления наркотических веществ государственным учреждениям из 22 городов России осуществлялась по завышенным ценам» [\[14\]](#). Соответственно, это может свидетельствовать о наличии «договоренностей» представителей заказчика и потенциального победителя вне рамок торговых процедур. Классический пример – это уловка со стороны недобросовестных заказчиков при описании объекта закупки с заменой буквы из кириллицы на латинский знак.

В целом в рамках государственных закупок может быть применено множество цифровых средств [\[9\]](#). Так, возможности искусственного интеллекта вкупе с технологиями могут помочь в автоматизации повторяющихся задач, ведь он мгновенно анализировать большой объем проверенных данных и представлять свои результаты для принятия обоснованных решений на их основе. Они также могут быть применены для составления спецификаций товаров (работ или услуг), но самое главное, что с их помощью может быть существенный скачок в оценке и проверке направленных предложений как по цене, срокам, так и по квалификации, ценообразованию и применяемым материалам. Кроме того, использование технологий распределенного реестра (blockchain), как известно, – это шаг к внедрению смарт-контрактов, то есть это программные средства, предназначенные для автоматизации заключения, исполнения условий и соглашений с помощью распределенного реестра.

Перечисленные выше инструменты, естественно, могут быть применены к контролю и надзору в целом, поскольку могут быть даны прогнозы с учетом выявленных коррупциогенных факторов (основные бизнес-интересы, условия доминирования тех или иных компаний, «главные» подрядчики публичных заказчиков и т.п.).

С другой стороны, информационные технологии или цифровая трансформация не могут быть рассмотрены как средство, которое полностью исключит коррупционные проявления [\[9; с. 59\]](#). Это только одно из направлений, но именно оно способно повлиять на снижение коррупции в публичном управлении через прозрачность и открытость информации [\[10\]](#). В самом деле, как показывают научные исследования, именно прозрачность и открытость, которые обеспечиваются с помощью информационных технологий, доказывают свою эффективность, но при отсутствии комплексного подхода не являются панацеей – имеют свои ограничения. Так, по итогам применения принципов открытости в различных государствах ученые пришли к выводу, что нет прямой зависимости от открытости данных и уровня коррупции, причем открытые данные, их объем и отсутствие структурированности могут, наоборот, усложнять поиск «очагов

коррупции» [\[8, с. 1677-1678\]](#).

Вместе с тем цифровизация в России должна дать существенный толчок, так как «половина всех стран находится в стагнации по ИВК [индекс восприятия коррупции] в течение почти десяти лет» [\[11, с. 184\]](#). Однако предвестник национального проекта «Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации"» (далее – программа «Цифровая экономика») [\[15\]](#) государственная программа Российской Федерации «Информационное общество (2011 - 2020 годы)» [\[16\]](#) в приоритетах государственной политики содержала цель применения информационных технологий для «выявления и ликвидации очагов коррупции». В настоящее время программа «Цифровая экономика» никоим образом не упоминает, каким образом она может помочь в борьбе с коррупцией.

Поэтому получается, что государство на программном уровне напрямую не ставит перед собой такой задачи, как использование цифровых технологий в публичном управлении.

При всем при этом цифровые технологии без сомнения помогают «тушить» очаги коррупции. Как отмечает А. А. Гаджиева «использование автоматизированной информационной системы «Электронный детский сад» в Республике Татарстан значительно снизило коррупционные риски...» [\[12, с. 334\]](#). В самом деле, там, где речь идет о записях в образовательные учреждения и иных подобных действиях и где исключен человеческий фактор, получается, что электронная очередь ведется «сама собой». Другими словами, происходит разрыв личных контактов, что, безусловно, будет снижать коррупциогенность.

В связи с этим отметим требование об обязательной ротации гражданских служащих категории «руководители» территориальных органов федеральных органов исполнительной власти, осуществляющих контрольные и надзорные функции, в соответствии со частью 2 статьи 60.1. Федерального закона от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» (в этой же статье указан основания и порядок ротации и иных гражданских служащих). В любом случае важен факт, что этот институт как раз и был введен для снижения коррупции. Благодаря цифровым технологиям служащего могут «безболезненно» перевести на другую должность в порядке ротации, если речь идет о применении единых программных средств или о выполнении тех же задач, но экстерриториально. Однако, как указывается в литературе, для этого, в частности, придется запретить личный прием и обеспечить цифровой контроль за соблюдением общения только в информационной среде [\[9, с. 58-59\]](#). С этим трудно согласиться, поскольку, во-первых, происходит абсолютизация цифровых технологий как исключительного средства, а во-вторых, право на личное обращение имеет конституционный характер, поэтому внедрение таких мер по цифровому обезличиванию гражданских служащих требует комплексного и отдельного осмыслиения.

Без сомнения цифровизация не может быть остановлена, но ее необходимо вводить с учетом различных факторов.

Так, в планы Правительства РФ достаточно обширны. Программа «Цифровая экономика» предполагает перевод 95% социально значимых услуг в электронную форму, также создаются так называемые «суперсервисы», позволяющие совершать различные действия без бумаг (поступление в вуз, исполнительное производство, оформление ДТП и т.п.) [\[17\]](#). В целом к 2024 году должна завершиться реформа контрольно-надзорной деятельности. Минэкономразвития России запустило приложение для дистанционных

проверок бизнеса на базе единого реестра объектов контроля с ноября 2022 года^[18]. Одновременно с этим подчеркнем, что через это приложение контрольные органы вносят информацию о видах контроля, что позволяет сформировать справочник проверочных мероприятий, которым могут воспользоваться проверяемые после получения уведомления. Иными словами, невластные субъекты смогут понять не только, какие права и обязанности у них есть, но увидеть, что будет проверено, как и в какие сроки^[19]. Кроме того, созданная система обеспечивает представление данных анализ качества проверок и их результаты, как самому контрольному органу, так и иным заинтересованным субъектам^[20]. В этом ключе нельзя не приветствовать такие изменения.

Если рассматривать цифровизацию под иным углом, то получается, базовая идея цифровизации контрольно-надзорной деятельности – это отсутствие непосредственного контакта между административным органом и частным лицом. Однако частные лица не обязаны иметь доступ к интернету. Статистика свидетельствует, что в 2021 году у 30% домохозяйств в России нет такого доступа, а также четверть населения России в принципе не пользовалось глобальной сетью (данные 2020 года)^[21]. Соответственно, планы Правительства РФ не учитывают этого, что как минимум противоречит принципу правового равенства и определенности.

Постепенный переход на цифровое взаимодействие, заложенный в Законе о КНД, вряд ли стоит отменять, но его необходимо подкорректировать или усовершенствовать. Во-первых, предоставить возможность аналогового взаимодействия как средства обеспечения доступа невластных субъектов к праву и правовой защите. Во-вторых, в этом контексте интересна статистика обжалования административных актов в рамках процедуры досудебного обжалования контрольно-надзорных мероприятий. По результатам сводного доклада о государственном и муниципальном надзоре за 2021 год с июля 2021^[22] поступило 1,4 тысячи жалоб, каждая третья была удовлетворена^[23]. В Сводном докладе о государственном контроле (надзоре), муниципальном контроле в Российской Федерации за 2022 отмечено, что в досудебном порядке было подано более 9 тыс. обращений^[24]. При этом важно отметить, что основная масса обращений – это ходатайства о продлении срока исполнения предписаний (5 281), а непосредственно жалоб на решения или действия сотрудников контрольных органов практически в два раза меньше – всего 3693. Кроме того, в первой категории обращений положительных исходов – 82,7 %, а во второй – только 32 %.

Из представленных данных можно сделать вывод, что в рамках процедуры досудебного обжалования рассматриваются вопросы, непосредственно не связанные со спорами по поводу контрольно-надзорных мероприятий. В самом деле, при принятии Закона о КНД в нем отдельно содержались нормы о направлении ходатайства о предоставлении отсрочки исполнения предписания или иного решения по проверке вне рамок досудебного обжалования. Такое обращение рассматривалось по порядку подачи возражений в отношении акта контрольного (надзорного) мероприятия. Статья 89 данного Закона в первоначальной редакции, в частности, обязывала контрольный орган проводить консультации с контролируемым лицом по вопросу рассмотрения поступивших возражений. Последний мог приложить к ним документы, подтверждающие их обоснованность. Соответственно, изначально была заложена иная процедура, причем более сложная, но обеспечивающая право участия в выработке итогового решения. При этом актуальные данные свидетельствуют об упрощении процедуры продления предписаний, что нельзя не приветствовать, хотя такой подход связан, как известно, с

мораторием на проведение проверок и поддержкой предпринимателей. Поэтому при изменении политики возможно вопрос об участии невластиного субъекта снова будет актуальным.

В связи с изменением статьи 89 Закона о КНД сделаем еще одно замечание. Сейчас подача возражений на акт контрольно-надзорных мероприятий отнесена к процедуре досудебного обжалования. В целом с таким подходом можно согласиться, притом что в чистом виде подача возражений является способом выработки итогового решения. Вместе с тем важный момент, что статья 43 Закона о КНД в части порядка рассмотрения жалобы изначально не содержало обязанности контрольного органа провести такие консультации. Сейчас речь идет о праве на представление дополнительных доказательств на момент разбирательства по существу, если их запрашивает контрольный орган (часть 3 статьи 43). Из этого можно сделать вывод, что отныне у невластиного субъекта отсутствуют непосредственные гарантии участия в выработке итогового решения по делу. И в этом могут скрываться потенциальные угрозы правам невластиных субъектов и желания «решить вопросы».

К сожалению, в широком доступе отсутствует подробная статистика по рассмотренным жалобам (основания отказа, возвращения, удовлетворения в полном объеме или частично и т.п.), она могла бы помочь в качественном анализе. Причем следует учитывать, что процедура досудебного обжалования пока охватывает лишь часть контрольно-надзорных мероприятий^[25]. В это контексте нельзя не приветствовать такую открытость, которая также помогает бороться с коррупцией. Также с учетом опыта «суперсервисов» результаты обязательного досудебного обжалования могут быть представлены в ином свете. Например, пользователи и учебные заведения «суперсервиса» «Поступление в вуз онлайн» второй год испытывают различные проблемы (ошибка в загрузке документов или согласия на поступление и пропуск сроков на подачу, неполный набор студентов и проч.)^[26]. Соответственно, отсутствие возможности исправить недостатки или каким-либо иным образом взаимодействовать со второй стороной показывает нарушение базовых принципов административной процедуры, как они понимаются в рамках доктрины «надлежащего (хорошего) управления»^[13; 14]. Действительно, данная доктрина гарантирует невластиным субъектам возможность участия в деле и быть выслушанным до момента принятия итогового решения по делу, что как раз может снять многие вопросы. Собственно, было в первоначальной редакции Закона о КНД. И в этом смысле Закон о КНД мог стать предвестником изменений в административном законодательстве и практике. При этом право на надлежащее (хорошее) управление не предполагает, что частное лицо всегда должно быть выслушано. В первую очередь речь идет о случаях принятия административных актов с негативными последствиями для невластиного субъекта, к этому, естественно, можно отнести контрольно-надзорные мероприятия.

В этой части мы рассмотрели два подхода к определению способов противодействия коррупции, то есть с позиций информационного или административного права. Однако перечень проблем во многом схож: начиная с различных пробелов в законодательстве, заканчивая отсутствием специалистов, имеющих компетенции не только в юриспруденции, но и информационных технологий.

Выводы

Цифровизация контрольно-надзорной деятельности имеет ряд безусловных преимуществ. Благодаря этому процессу публичный субъект не только увеличивает поступления

доходов в бюджеты, но и снижает нагрузку на частных субъектов. Отныне решение может быть принято буквально после нажатия нескольких клавиш. Соответственно, простота и легкость администрирования – это удобство для всех участников процесса.

При этом правовая действительность показывает, несмотря на заявления со стороны исполнительной власти о качественном переходе публичного управления в цифровой вид, эта трансформация происходит не так быстро и спокойно. Это обстоятельство может объясняться по-разному. С одной стороны, развитие информационных технологий опережает развитие нормативных правовых актов, включая международно-правовой уровень, а также материально-техническое обеспечение административных органов и благосостояние частных субъектов. С другой стороны, получается, что цифровые технологии не обеспечивают возможность снижения коррупциогенных факторов. Во-первых, сама по себе электронная форма взаимодействия не исключает, как показывает практика закупок для государственных нужд, какого-либо непосредственного сговора участников процедуры и коррупционных проявлений вне цифрового поля. Во-вторых, полная электронная форма контрольно-надзорной деятельности может привести к созданию «очагов коррупции». В самом деле, ввиду отсутствия единого закона об административной процедуре как базового стандарта частные лица не обеспечены возможностями влиять на итоговое решение административных органов – им, в частности, не гарантировано право быть выслушанным. Например, в рамках контрольных мероприятий или процедуры досудебного обжалования не проводится какое-либо заседание по рассмотрению возражений или жалобы даже путем обмена письменными документами, если обстоятельства объективно того требуют, но нет «желания» контрольного органа. Соответственно, административный орган может принять решение по имеющимся материалам, законодательных ограничений к этому нет. При этом цифровая форма как раз могла бы помочь, поскольку обеспечивает быстроту и простоту взаимодействия. Участие в заседании через видеосвязь или простое направление запрашиваемых документов через приложение явно снизит финансовые и временные затраты обеих сторон.

[1] URL: <https://komiss-korrup.ru/%D1%81%D1%82%D0%B0%D1%82%D0%B8%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%BA%D0%BF%D0%BE%D0%BA%D0%BE%D1%80%D1%80%D1%83%D0%BF%D1%86%D0%B8%D0%BA%D0%BA-2022-%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D1%83/> (Дата обр.: 30.09.2023).

[2] URL: <https://www.kommersant.ru/doc/5708590> (Дата обр.: 30.09.2023).

[3] Там же.

[4] Здесь и далее акты приведены из СПС «КонсультантПлюс».

[5] При обращении к сайту Российской государственной библиотеки (URL: <https://search.rsl.ru/>) с поисковым запросом: цифровизация и противодействие коррупции или с иными синонимами (информационные технологии, антикоррупция и т.п.), система выдает 184 диссертационных исследования по юриспруденции, однако ни одно из них не посвящено непосредственно исследованию цифровой трансформации как средству противодействия коррупции.

^[6] См. определение Верховного Суда РФ от 14.11.2019 № 308-ЭС19-22607 по делу № А53-34915/2017; постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 20.08.2018 № Ф01-3262/2018 по делу № А79-7456/2016 (определением Верховного Суда РФ от

18.12.2018 № 301-АД18-20638 отказано в передаче дела № А79-7456/2016 в Судебную коллегию по экономическим спорам Верховного Суда РФ для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления); постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 02.07.2018 № Ф04-4151/2017 по делу № А70-13955/2016; постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 12.08.2019 № Ф08-6560/2019 по делу № А53-34915/2017; постановление Арбитражного суда Уральского округа от 30.10.2019 № Ф09-6982/19 по делу № А60-37931/2018; постановление Четвертого арбитражного апелляционного суда от 14.02.2019 по делу № А19-11886/2015; постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 07.05.2018 № 13АП-6461/2018 по делу № А56-90083/2016; постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 19.01.2018 № 17АП-7092/2017-АКу по делу № А50-3812/2017; постановление Двадцатого арбитражного апелляционного суда от 03.07.2018 № 20АП-3581/2018 по делу № А23-3001/2011; постановление Двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 12.02.2018 № 21АП-2958/2017 по делу № А84-2327/2017.

[\[7\]](#) Национальный план противодействия коррупции на 2021 - 2024 годы утвержден указом Президента РФ от 16 августа 2021 г. № 478.

[\[8\]](#) См. указ Президента Российской Федерации от 25 апреля 2022 г. № 232 «О государственной информационной системе в области противодействия коррупции "Посейдон" и внесении изменений в некоторые акты Президента Российской Федерации».

[\[9\]](#) URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/anticorruption/9/20> (Дата обр.: 30.09.2023).

[\[10\]](#) URL: <http://council.gov.ru/events/news/144093/> (Дата обр.: 30.09.2023).

[\[11\]](#) URL: <https://iacis.ru/public/upload/files/1/245.pdf> (Дата обр.: 30.09.2023).

[\[12\]](#) URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102105334> (Дата обр.: 30.09.2023).

[\[13\]](#) На Госуслугах запустили сервис купли-продажи автомобилей онлайн. URL: <https://ria.ru/20220712/gosuslugi-1801897658.html> (Дата обр.: 30.09.2023).

[\[14\]](#) Картельный сговор // URL: <https://fas.gov.ru/news/27346> (Дата обр.: 30.09.2023).

[\[15\]](#) «Паспорт национального проекта "Национальная программа "Цифровая экономика Российской Федерации"» (утвержден президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 4 июня 2019 г. № 7).

[\[16\]](#) Распоряжение Правительства РФ от 20 октября 2010 г. № 1815-р «О государственной программе Российской Федерации "Информационное общество" (2011 - 2020 годы)».

[\[17\]](#) URL: <https://xn--80aapamptemcchfmo7a3c9ehj.xn--p1ai/projects/tsifrovaya-ekonomika/p-tsifrovoe-gosudarstvennoe-upravlenie-p> (Дата обр.: 30.09.2023).

[\[18\]](#) URL: https://www.economy.gov.ru/material/news/minekonomrazvitiya_snizhaet_nagruzku_na_biznes (Дата обр.: 30.09.2023).

[\[19\]](#) URL: <https://www.interfax.ru/digital/808556> (Дата обр.: 30.09.2023).

[\[20\]](#) Там же.

[\[21\]](#)

URL: [https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8%D0%B4%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF_\(%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BI](https://www.tadviser.ru/index.php/%D0%A1%D1%82%D0%B0%D1%82%D1%8C%D1%8%D0%B4%D0%BE%D1%81%D1%82%D1%83%D0%BF_(%D1%80%D1%8B%D0%BD%D0%BI) обр.: 30.09.2023).

[\[22\]](#) С 01.07.2021 обязательный досудебный порядок рассмотрения жалоб применяется в отношении видов контроля, включенных в перечень, утвержденный постановлением Правительства РФ от 28 апреля 2021 г. №663 «Об утверждении перечня видов федерального государственного контроля (надзора), в отношении которых применяется обязательный досудебный порядок рассмотрения жалоб».

[\[23\]](#) URL: <https://rg.ru/2022/06/02/mihail-mishustin-potreboval-svesti-k-minimumu-chislo-proverok-biznesa.html> (Дата обр.: 30.09.2023).

[\[24\]](#) URL: <http://government.ru/news/48861/> (Дата обр.: 30.09.2023).

[\[25\]](#) URL: <https://knd.ac.gov.ru/pre-trial/> (Дата обр.: 30.09.2023).

[\[26\]](#) URL: <https://www.fontanka.ru/2021/07/08/70014959/> (Дата обр.: 30.09.2023); URL: <https://www.fontanka.ru/2022/07/30/71527610/> (Дата обр.: 30.09.2023).

Библиография

1. Маявина Н. Б. Административные процедуры как средство противодействия коррупции в системе органов публичной власти: специальность 12.00.14 "Административное право; административный процесс": диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Маявина Наталья Борисовна. – Москва, 2008. – 183 с.
2. Давыдов К. В. Проект Федерального закона «Об административных процедурах и административных актах в Российской Федерации» // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). – 2016. – № 5(21). – С. 57-91.
3. Старилов Ю. Н. Административные процедуры - неотъемлемая часть законодательства о государственном и муниципальном управлении: проблемы теории, практики и законотворчества // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. – 2019. – № 4(39). – С. 8-27.
4. Повный Д. А. Административные процедуры как средство противодействия коррупции в образовании Российской Федерации : специальность 12.00.14 "Административное право; административный процесс" : диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Повный Дмитрий Александрович. – Челябинск, 2011. – 203 с.
5. Давыдов К. В. Административные процедуры: концепция правового регулирования: специальность 12.00.14 «Административное право; административный процесс»: диссертация ... доктора юридических наук / Давыдов Константин Владимирович. – Нижний Новгород, 2020. – 655 с.
6. Балдин А. К. Юридико-лингвистическая неопределенность - коррупционная угроза правоприменительной практике // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2016. – № 5. – С. 166-170.
7. Тогузакова Д., Ишанова Т. Г. Коррупция и страны ЕАЭС в борьбе с ней // Восточно-

- Европейский научный журнал. – 2016. – Т. 7. № 4. – С. 168-172.
8. Минбалаев А. В., Евсиков К. С. Информационные технологии противодействия коррупции // Журнал Сибирского федерального университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2021. – Т. 14, № 11. – С. 1674-1689. – DOI: 10.17516/1997-1370-0849.
9. Кравченко А.Г., Овчинников А.И., Мамычев А.Ю., Воронцов С.А. Использование цифровых технологий в сфере противодействия коррупции // Административное и муниципальное право. – 2020. – № 6. – С. 52 - 63. DOI: 10.7256/2454-0595.2020.6.33458.
10. Полякова Т. А. Информационная открытость как один из факторов в борьбе с коррупцией при построении информационного общества // Юридический мир. – 2008. – № 1. – С. 18-22.
11. Дарвиш А. Ш. Влияние цифровизации на борьбу с коррупцией: мировой опыт // Modern Economy Success. – 2023. – № 5. – С. 181-189.
12. Гаджиева А. А. Проблемы противодействия коррупции и коррупционной преступности в условиях цифровой трансформации // Вестник Алтайской академии экономики и права. – 2021. – № 11-2. – С. 331-336. – DOI: 10.17513/vaael.1955.
13. Гриценко Е. В. Европейская доктрина надлежащего публичного управления и перспективы ее восприятия в российском праве // Сравнительное конституционное обозрение. – 2013. – № 2(93). – С. 115-128.
14. Курындин П. А. Французская доктрина подразумеваемых (имплицитных) административных актов и перспективы её применения в Российской Федерации // Актуальные проблемы российского права. – 2015. – № 2(51). – С. 35-41.

Результаты процедуры рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предмет исследования. Предметом рецензируемой статьи "Цифровизация контрольно-надзорной деятельности как инструмент противодействия коррупции" являются нормы права, регулирующие общественные отношения, возникающие при цифровизации контрольно-надзорной деятельности государственных органов в сфере борьбы с коррупцией. Как пишет сам автор, "настоящее исследование посвящено анализу действующего нормативно-правового регулирования, оценке его эффективности, поиску потенциальных проблем и путей их решения".

Методология исследования. Методологический аппарат статьи составляют современные общие и специальные методы научного познания: аналитический, формально-логический, исторический, статистический, сравнительного правоведения и др. Основные приемы способы: обзор, анализ, обобщение, систематизация и др. Применение в комплексе научных методов позволило автору сформулировать собственную позицию по обозначенной им проблеме.

Актуальность. Тема статьи весьма актуальна, что объясняется важностью борьбы с коррупцией в государственной структуре и значимостью цифровизации деятельности контрольно-надзорных органов, способствующей эффективности противодействия коррупции на всех уровнях власти. Однако нельзя не согласиться с автором, что "цифровизация, как представляется, становится самоцелью в сфере публичного управления и контрольно-надзорной деятельности, в частности". С такой практикой нельзя мириться, следует искать пути решения, на что и направлено проведенное автором данной статьи исследование.

Научная новизна. Как сам автор отмечает, обращение к проблеме цифровизация

контрольно-надзорной деятельности в сфере противодействия коррупции не является новым в отечественной юриспруденции. Однако выбранный им аспект, а именно анализ рисков цифровизации деятельности государственных органов, осуществляющих функции контроля и надзора в борьбе с коррупцией, обладает элементами научной новизны. Заслуживает внимания вывод автора: "..полная электронная форма контрольно-надзорной деятельности может привести к созданию «очагов коррупции». В самом деле, ввиду отсутствия единого закона об административной процедуре как базового стандарта частные лица не обеспечены возможностями влиять на итоговое решение административных органов – им, в частности, не гарантировано право быть заслушанным". Было бы неплохо, если бы автор объяснил значение термина "инструмент" в его исследовании.

Стиль, структура, содержание. В целом статья написана научным стилем, с применением специальной терминологии (однако не всегда корректно, например: "нормативно-правовые акты"). Статья структурирована (введение, основная часть и заключение). Некоторые высказывания автора представляются противоречивыми. В частности, обосновывая актуальность темы, пишет об отсутствии специального нормативного правового акта "...до сих пор в России не принят закон об административных процедурах", что по его мнению требует решения. И в то же время указывает, что "... в России защищаются диссертации, посвященные вопросам административных процедур как инструменту противодействия коррупции". Однако в списке библиографии ссылки на диссертации 2008 и 2011 гг., что никак не отражает актуальность этой проблемы на научном уровне. Ссылки на актуальные статистические данные отсутствуют.

Представляется, что несмотря на отдельные замечания по изложению материала, по содержанию статья отвечает заявленной теме.

Библиография. Автором использовано достаточное количество научных источников. Вместе с тем, следует актуализировать библиографический список (и соответственно дополнить содержание статьи) публикациями последних лет по вопросам противодействия коррупции с применением информационных технологий в контрольно-надзорной деятельности соответствующих государственных органов. Также следует оформить библиографию в соответствии с требованиями библиографического ГОСТа.

Апелляция к оппонентам. В работе отсутствует анализ разных точек зрения по заявленной проблеме. Возможно следует обратиться к мнениям авторитетных ученых в области информационного права (А.В. Минбалеев, А.А. Смирнов, В.Б. Наумов, Т.А. Полякова и др.), что позволит определить явные преимущества и риски процессов цифровизации в сфере борьбы с коррупцией и контрольно-надзорной деятельности соответствующих государственных органов.

Выводы, интерес читательской аудитории. Статья "Цифровизация контрольно-надзорной деятельности как инструмент противодействия коррупции" может быть рекомендована к опубликованию в научном журнале "Административное и муниципальное право" с условием ее доработки. Статья может представлять интерес для специалистов (ученых и практиков) в области административного, информационного и цифрового права.

Результаты процедуры повторного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

РЕЦЕНЗИЯ

на статью на тему «Цифровизация контрольно-надзорной деятельности как инструмент

противодействия коррупции».

Предмет исследования.

Предложенная на рецензирование статья посвящена актуальным вопросам цифровизации контрольно-надзорной деятельности. Как указано в статье, «настоящее исследование посвящено анализу действующего нормативного правового регулирования, оценке его эффективности, поиску потенциальных проблем и путей их решения». В качестве конкретного предмета исследования выступили мнения ученых, материалы правоприменительной практики, статистические данные, нормы законодательства.

Методология исследования.

Цель исследования прямо в статье не заявлена. При этом она может быть ясно понята из названия и содержания работы. Цель может быть обозначена в качестве рассмотрения и разрешения отдельных проблемных аспектов вопроса о цифровизации контрольно-надзорной деятельности как инструменте противодействия коррупции. Исходя из поставленных цели и задач, автором выбрана методологическая основа исследования.

В частности, автором используется совокупность общенаучных методов познания: анализ, синтез, аналогия, дедукция, индукция, другие. В частности, методы анализа и синтеза позволили обобщить и разделить выводы различных научных подходов к предложенной тематике, а также сделать конкретные выводы из статистических данных. Наибольшую роль сыграли специально-юридические методы. В частности, автором активно применялся формально-юридический метод, который позволил провести анализ и осуществить толкование норм действующего законодательства (прежде всего, норм административного законодательства РФ). Например, следующий вывод автора: «законодательное регулирование позволило бы создать единый стандарт взаимодействия административных органов и невластных субъектов. В самом деле, даже законодательство о контроле и надзоре или его отдельных видах может отличаться. Например, в части 1 статьи 43 Федерального закона от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции»[4] в рамках разбирательства по делам о нарушении антимонопольного законодательства гарантировано право на ознакомление с материалами дела, делать выписки из них, представлять доказательства и знакомиться с доказательствами и т.п. В Федеральном законе от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» (далее – Закон о КНД) содержится больше гарантий: возложение бремени доказывания обоснованности своих действий при их обжаловании в порядке, установленном законодательством Российской Федерации, на инспектора (пункт 10 части 1 статьи 29), право на представление дополнительных доказательств на момент разбирательства по существу (часть 4 статьи 43), право на представление объяснений (статья 79), право на ознакомление с результатами контрольного (надзорного) мероприятия (статья 88)».

Следует положительно оценить возможности эмпирического метода исследования, связанного с изучением статистических данных. В частности, укажем на следующие рассуждение автора: «В конце января 2023 года МВД России отчиталось о своей деятельности по раскрытию преступлений за прошедшие 12 месяцев, причем дел коррупционной направленности всего 1,8 % из почти 2 млн зарегистрированных преступлений[1]. При этом граждане России относятся негативно к коррупции наравне с наркоманией, алкоголизмом и расизмом[2]. Кроме того, они «объясняют коррупцию тем, что она “поощряется государством”, “нет наказания и контроля”, “власти сами

коррумпированные", "русский не может не брать — люди такие"»[3]. Поэтому государство не может не отвечать на такой общественный запрос и постоянно ищет правовые инструменты, чтобы с помощью того или иного набора средств, соответствующему текущим вызовам, противостоять коррупции».

Таким образом, выбранная автором методология в полной мере адекватна цели исследования, позволяет изучить все аспекты темы в ее совокупности.

Актуальность.

Актуальность заявленной проблематики не вызывает сомнений. Имеется как теоретический, так и практический аспекты значимости предложенной темы. С точки зрения теории тема цифровизации контрольно-надзорной деятельности как инструменте противодействия коррупции сложна и неоднозначна. В России проблемы коррупции известны давно, периодически появляются новые формы ее проявления, что вызывает необходимость использования самых современных способов и инструментов для противодействия ей. Механизмы, основанные на достижениях современной цифровизации, — одни из наиболее перспективных и необходимых. Сложно спорить с автором в следующем: «преобразования, которые были сделаны в середине нулевых годов, безусловно, сыграли положительную роль в пересмотре модели взаимодействия административных органов и частных лиц. Они заложили административные процедуры в части юридической и фактической возможности реализации и защиты публичных прав граждан и организаций [1]. Однако до сих пор в России не принят закон об административных процедурах, хотя необходимость данного акта обосновывается в науке и даже готовился проект такого закона [2; 3]».

Тем самым, научные изыскания в предложенной области стоит только поприветствовать.

Научная новизна.

Научная новизна предложенной статьи не вызывает сомнений. Во-первых, она выражается в конкретных выводах автора. Среди них, например, такой вывод: «Цифровизация контрольно-надзорной деятельности имеет ряд безусловных преимуществ. Благодаря этому процессу публичный субъект не только увеличивает поступления доходов в бюджеты, но и снижает нагрузку на частных субъектов. Отныне решение может быть принято буквально после нажатия нескольких клавиш. Соответственно, простота и легкость администрирования — это удобство для всех участников процесса. При этом правовая действительность показывает, несмотря на заявления со стороны исполнительной власти о качественном переходе публичного управления в цифровой вид, эта трансформация происходит не так быстро и спокойно. Это обстоятельство может объясняться по-разному. С одной стороны, развитие информационных технологий опережает развитие нормативных правовых актов, включая международно-правовой уровень, а также материально-техническое обеспечение административных органов и благосостояние частных субъектов. С другой стороны, получается, что цифровые технологии не обеспечивают возможность снижения коррупциогенных факторов».

Указанный и иные теоретические выводы могут быть использованы в дальнейших научных исследованиях.

Во-вторых, автором предложены идеи по обобщению действующего законодательства, что может быть полезно практикующим юристам в данной сфере.

Таким образом, материалы статьи могут иметь определенных интерес для научного сообщества с точки зрения развития вклада в развитие науки.

Стиль, структура, содержание.

Тематика статьи соответствует специализации журнала «Административное и муниципальное право», так как она посвящена правовым проблемам, связанным с цифровизацией контрольно-надзорной деятельности и сопутствующими правовыми моментами.

Содержание статьи в полной мере соответствует названию, так как автор рассмотрел заявленные проблемы, достиг цели исследования.

Качество представления исследования и его результатов следует усовершенствовать. В частности, автор слабо обсуждает различные точки зрения на проблему. Так, та часть, которая посвящена дискуссии и названа «Обсуждение» фактически включает в себя по большей части ссылки на мнения политических деятелей, а также статистические данные. Как такового обсуждения не было в явно выраженной форме.

Оформление работы в целом соответствует требованиям, предъявляемым к подобного рода работам. Следует уточнить оформление сносок. Автором сделаны сноски на библиографию и иные источники. Указанные сноски в нумерации несколько пересекаются, что делает фактически невозможным понять, куда именно указывает сноска.

Библиография.

Следует высоко оценить качество использованной литературы. Автором активно использована литература, представленная авторами из России (Малевина Н.Б., Давыдов К.В., Кравченко А.Г., Овчинников А.И., Мамычев А.Ю., Воронцов С.А. и другие). Хотелось бы отметить использование автором большого количества эмпирических данных, что позволило придать исследованию правоприменительную направленность.

Таким образом, труды приведенных авторов соответствуют теме исследования, обладают признаком достаточности, способствуют раскрытию различных аспектов темы.

Апелляция к оппонентам.

Следует расширить часть, посвященную дискуссии в части «Обсуждения».

Выводы, интерес читательской аудитории.

Выводы в полной мере являются логичными, так как они получены с использованием общепризнанной методологии. Статья может быть интересна читательской аудитории в плане наличия в ней систематизированных позиций автора применительно к заявленным в статье проблемам после устранения указанных в рецензии замечаний.

На основании изложенного, суммируя все положительные и отрицательные стороны статьи

«Рекомендую отправить на доработку»

Результаты процедуры окончательного рецензирования статьи

В связи с политикой двойного слепого рецензирования личность рецензента не раскрывается.

Со списком рецензентов издательства можно ознакомиться [здесь](#).

Предметом исследования в представленной статье является цифровизация контрольно-надзорной деятельности в качестве инструмента противодействия коррупции.

В качестве методологии предметной области исследования в данной статье были использованы общенаучные и специальные методы познания, а именно, формально-догматический метод в комплексе со сравнительно-правовым методом, исторический метод и функциональный метод, а также метод анализа.

Актуальность статьи не вызывает сомнения, так как в современном российском обществе, так и зарубежных странах, уделяется большое внимание поиску различных эффективных методов противодействия коррупции, а цифровизация контрольно-надзорной деятельности как механизм, предполагающий отсутствие непосредственного контакта между административным органом и частным лицом, как раз и выступает в качестве одного из инструментов противодействия коррупции.

Научная новизна исследования заключается в рассмотрении различных проблем, возникающих в процессе цифровизации контрольно-надзорной деятельности на различных уровнях в качестве механизма противодействия коррупции.

Статья изложена языком научного стиля.

Структура выдержана с учетом всех требований, предъявляемых к написанию научных статей, а именно включает в себя такие основные структурные элементы как введение, материалы и методы, результаты, обсуждения, выводы и библиографию.

Содержание статьи отражает ее структуру. Особенno ценным в содержании исследования следует отметить анализ различных точек зрения известных ученых на цифровизацию контрольно-надзорной деятельности и обзор нормативных правовых актов, регулирующих вопросы цифровизации контрольно-надзорной деятельности и противодействия коррупции.

Библиография содержит 14 источников, включающих в себя отечественные периодические и непериодические издания.

Поскольку представленное исследование носит теоретический характер и содержит большое количество различных точек зрения известных ученых на проблемы цифровизации контрольно-надзорной деятельности как механизма противодействия коррупции, то в данной статье имеет место быть апелляция к научным трудам и источникам, посвященных цифровой трансформации публичного управления или отдельных отраслей экономики и сфер общественной жизни, которые встречаются в различных научных школах и у известных ученых, а также в материалах судебной практики и открытых статистических данных.

В представленном исследовании содержатся краткие выводы, касающиеся предметной области исследования с учетом современных тенденций цифровизации контрольно-надзорной деятельности как инструмента противодействия коррупции. Материалы данного исследования рассчитаны на широкий круг читательской аудитории, они могут быть интересны и использованы учеными в научных целях, педагогическими работниками в образовательном процессе, практикующимися работниками правоохранительных органов, а также органов прокуратуры, следствия и дознания, органов исполнительной власти при подготовке справочных материалов и пояснительных записок по заявленной тематике.

В качестве недостатков данного исследования следует отметить, то, что в статье не были четко определена научная новизна исследования, а также после выводов приведен список источников, на которые в исследовании есть сноски и ссылки на ряд общедоступных сервисов и источников правовой информации, однако они отсутствуют в библиографическом списке, а в самом тексте статьи и в приведенном после выводов неозаглавленном перечне их сложно идентифицировать, так как преимущественно это электронные ресурсы, либо источники правовой информации, представленные после выводов. Данные замечания необходимо устранить, особенно в части использованных сносок и ссылок и оформить в соответствии с требованиями действующего ГОСТа библиографических описаний и сносок в тексте научного исследования. Статью рекомендовано вернуть на доработку.